

УДК 347.2

О вопросе правового статуса искусственного интеллекта¹

Жолка Дарья Васильевна, студент, Донбасский университет юстиции, fieder.sirin@gmail.com

В статье анализируется эволюция понятия искусственного интеллекта, а также современные научные и правовые подходы к его определению в российской правовой доктрине, подчеркивается, что искусственный интеллект следует рассматривать как нематериальный объект права, а не как субъект права, поскольку он лишен сознания, способности к нравственному выбору и воли.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация, правосубъектность, объект права, нейросетевые технологии.

Современные интеллектуальные системы в настоящее время применяются практически повсеместно: в автоматизации производственных процессов, сборе и обработке данных, представлении информации, распознавании образов, лиц, текста, речи, символов и изображений, оценке рисков, обеспечении национальной безопасности и во многих других сферах. Можно с уверенностью утверждать, что к искусственному интеллекту (ИИ) проявляют повышенный интерес практически все государства, поскольку данные технологии обеспечивают серьезные конкурентные преимущества во всех областях жизнедеятельности человека. Российская Федерация, как и другие страны, стремится к технологическому лидерству в данной сфере. С учетом происходящих в стране и мире изменений особую актуальность приобретает оценка современного горизонта научных взглядов на применяемую терминологию, связанную с ИИ.

Следует согласиться с мнением А. А. Карцхия о том, что цифровое пространство становится не просто средой обмена и получения информации, но трансформируется в инструмент регулирования: современное общество уже не может отказаться от социальных сетей, мессенджеров, поисковых систем и электронных сервисов как повседневных средств коммуникации миллионов людей, а технологические платформы — будь то электронная торговля, цифровые государственные услуги, блокчейн или удаленные сервисы — используются в самых различных сферах деятельности [4, с. 205]. При этом само цифровое пространство способно формировать, контролировать и обеспечивать соблюдение правил, превращаясь в своеобразный регулятор общественных отношений.

Цифровая среда понимается как совокупность логических объектов, используемых для моделирования иных сред на основе математических законов; иными словами, это информационное пространство, включающее информационные ресурсы, средства взаимодействия субъектов, их информационные системы и соответствующую инфраструктуру.

Для эффективного функционирования интеллектуальных систем необходимы значительные объемы качественных цифровых данных и развитая цифровая инфраструктура — облачные сервисы, высокопроизводительные вычислительные мощности, интернет вещей и т. д. Цифровизация создает условия для накопления и доступа к таким ресурсам, делая возможными обучение и функционирование ИИ.

ИИ усиливает эффект цифровизации, автоматизируя сложные интеллектуальные задачи, недоступные традиционной автоматизации, обеспечивая глубокий анализ данных, прогнозирование, оптимизацию и поддержку принятия решений. Таким образом, цифровизация формирует среду, в которой ИИ получает возможность

развития, а ИИ повышает уровень, качество и адаптивность цифровых процессов, делая их более персонализированными и интеллектуализированными. Вместе с тем совместное развитие цифровизации и ИИ порождает новые вызовы для правового регулирования — от защиты персональных данных и кибербезопасности до распределения ответственности за решения, принимаемые автономными системами. Это обуславливает необходимость выработки комплексного и гибкого подхода к формированию нормативной базы.

По утверждению Р. О. Халфиной, строгость и научная обоснованность понятийного аппарата имеют особое значение в правовой науке, поскольку результаты теоретических разработок могут ложиться в основу законодательных инициатив, а значит, требуют повышенной точности и ясности [9, с. 25].

Э. Р. Чернова справедливо отмечает, что каждый юридический термин должен обладать четырьмя признаками: быть представленным устойчивым словом или словосочетанием в профессиональном языке; обозначать конкретное юридическое понятие; однозначно восприниматься в рамках дискурса; сопровождаться четкой дефиницией [11, с. 55].

В целях уточнения статуса ИИ как объекта управления и правовой категории представляется необходимым обратиться к понятию интеллекта, прежде всего естественного, биологического, которому противопоставляется интеллект искусственный. Согласно словарю С. И. Ожегова, интеллект определяется как «мыслительная способность, разум»; разум трактуется как высшая ступень познавательной деятельности, включающая логическое и творческое мышление [7]. В другом словаре разум определяется как способность не только постигать законы развития мира и общества, но и сознательно находить целесообразные способы их преобразования, в связи с чем наличие интеллекта выступает основой формирования разума [8].

В научной литературе также используется определение биологического интеллекта как способности живых организмов адаптироваться к среде, обучаться, реагировать на информацию и внешние факторы, принимать решения и решать проблемы на основе врожденных биологических механизмов. К когнитивным (познавательным) функциям при этом относятся: восприятие — распознавание сенсорной информации; память — запечатление, хранение и воспроизведение данных; психомоторика — формирование и выполнение двигательных программ; речь — понимание и выражение мыслей; мышление (интеллект) — анализ, обобщение, суждение и решение задач; внимание — выделение значимой информации; а также произвольная регуляция деятельности — способность ставить цели, планировать их достижение и

¹ Научный руководитель: Алдушина Оксана Сергеевна — старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Донбасский университет юстиции.

контролировать выполнение. Современные интеллектуальные системы по своей сути стремятся к техническому воспроизведению указанных функций.

Как отмечают специалисты, терминология в данной области начала формироваться в 1960-х гг. в США, стабилизировалась к середине 1970-х гг. и окончательно закрепились в первой половине 1980-х гг.; большинство ключевых понятий заимствовано из английского языка [10].

По мнению Л. Ю. Василевской, ИИ обладает значительным потенциалом стать эффективным технологическим помощником юриста, повышая качество и результативность оказания правовых услуг [10, с. 122]. Однако до полноценного внедрения подобных решений требуется детальная проработка вопросов правового регулирования. Несмотря на значительные технологические достижения, ИИ не обладает сознанием, нравственными ценностями, субъективным опытом и способностью к раскаению. В связи с этим признание его самостоятельным субъектом права представляется преждевременным и потенциально рискованным, поскольку может повлечь размывание границ ответственности и непредсказуемые социальные последствия.

С. Г. Абрамов отмечает, что наделение ИИ правосубъектностью нецелесообразно, т. к. в алгоритмах отсутствуют присущие человеку аксиологические установки — ценности, моральные ориентиры и социальная функция [1, с. 53]. Кроме того, способность ИИ к самообучению обуславливает определенную степень непредсказуемости: известные случаи, когда ошибки интеллектуальных систем приводили к трагическим последствиям, в том числе авариям беспилотных транспортных средств с человеческими жертвами. Вопрос распределения ответственности в подобных ситуациях остается дискуссионным: одни исследователи возлагают ее на разработчиков, операторов и владельцев систем, другие предлагают рассматривать ИИ в качестве самостоятельного субъекта права.

Безусловно, конструкция юридического лица в правовой науке охватывает не только традиционные корпорации и хозяйственные общества, но и в целом всех субъектов права, не являющихся физическими лицами, т. е. искусственные образования, созданные человеком. Однако принципиальным отличием таких субъектов от возможного правового статуса ИИ является то, что за каждым юридическим лицом всегда стоит человек либо группа людей, действующих от его имени и в пределах четко определенных полномочий, тогда как ИИ имеет иное — техническое и алгоритмическое — происхождение и способен принимать решения, непредсказуемые даже для своих создателей. Именно это обстоятельство ставит под сомнение возможность наделения ИИ правосубъектностью.

Данную позицию разделяет А. С. Пономарева, подчеркивая, что ключевой характеристикой любого субъекта права является способность самостоятельно реализовывать права и обязанности,

а также наличие собственной воли и интересов, в соответствии с которыми он действует [6]. Поскольку системы ИИ находятся и должны оставаться под контролем человека, их функционирование определяется разработчиками или пользователями, а так называемые «собственные интересы» ИИ неотделимы от целей, заложенных в него людьми, т. к. он изначально создается для удовлетворения человеческих потребностей через заданные параметры функционирования.

В научной литературе предлагаются различные модели распределения ответственности за действия ИИ: модель инструмента реального актора (ИИ как средство, используемое человеком для совершения правонарушения); модель естественных вероятных последствий (ответственность разработчика при функционировании ИИ в пределах логически предсказуемых сценариев, обусловленных программированием); модель прямой ответственности самого ИИ (что предполагает признание его субъектом права); модель квази-субъективной ответственности владельца или оператора за неверную интерпретацию действий ИИ [2]. Однако фундаментальным препятствием к признанию ИИ субъектом права остается отсутствие у него вины как обязательного элемента правонарушения. Вина предполагает наличие сознания, воли и морального выбора — качеств, которыми ИИ по своей природе не обладает. Он функционирует в заданных человеком рамках, не осознает значения своих действий и не может нести юридическую ответственность в классическом смысле.

На сегодняшний день российское законодательство не решает вопрос правосубъектности ИИ, ограничиваясь формулированием общих принципов его развития и применения. При этом интерес государства к данной сфере остается высоким: в 2024 г. на развитие ИИ из федерального бюджета выделено 5,2 млрд руб.

Уже в текущем году технологии ИИ позволят сэкономить около 1 трлн руб., а к 2030 г. обеспечат прирост ВВП на 6 %, одновременно компенсируя кадровый дефицит, с которым сталкиваются около 85 % российских компаний. ИИ может стать основой развития «умных городов», цифровой медицины, экологичного производства и диверсификации экономики. В декабре 2024 г. на портале «Госуслуги» была запущена бета-версия цифрового помощника «Робот Макс» на базе отечественных генеративных нейросетей, обеспечивающего ответы на вопросы пользователей, генерацию персонализированных рекомендаций, выявление аномального поведения и снижение количества нарушений [4, с. 256].

Считается необходимым использование ИИ исключительно в качестве виртуального консультанта — без права принятия самостоятельных управленческих решений. В связи с этим предлагается закрепить в законодательстве статус ИИ как нематериального объекта права, исключив возможность наделения его правосубъектностью и тем самым обеспечить четкое распределение ответственности за действия, совершенные с его участием.

Примечания

1. Абрамов С. Г. Конституционные основы правового регулирования предпринимательской деятельности (исследование объекта правового регулирования деятельности искусственного интеллекта) // Пробелы в российском законодательстве. 2019. N 2.
2. Архиреев Н. В. Искусственный интеллект: понятие, характеристики // Правовое государство: теория и практика. 2025. N 3.
3. Зуйкова М. С. Искусственный интеллект как субъект гражданского права // Форум молодых ученых. 2023. N 11.
4. Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019.
5. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018.
6. Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994.
8. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2000.
9. Халфина Р. О. Методологический аспект теории правоотношения // Советское государство и право. 1971. N 10.

10. Василевская Л. Ю. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов: монография: в 5 т. М., 2021. Т. 3.
11. Чернова Э. Р. Роль и значение юридической терминологии в современном законодательстве // Право и государство: теория и практика. 2022. N 4.

English version

On the issue of the legal status of artificial intelligence

Zholka Dar'ya Vasil'evna, student, Donbass University of Justice

This article analyzes the evolution of the concept of artificial intelligence, as well as contemporary scholarly and legal approaches to its definition within Russian legal doctrine. It emphasizes that artificial intelligence should be regarded as an intangible object of law rather than a subject of law, since it lacks consciousness, the capacity for moral choice, and free will.

Keywords: artificial intelligence, digitalization, legal personality, object of law, neural network technologies.